

Плач о брате двоюродном

Как сегодняшнего дёнечка Господнего
Пришла весточка победной мне нерадостна,
Письмо-грамотка пришла да невеселая
Под этиим орлом под печальнымим,
Под этую печатью под черною!
В руку брала эту грамотку — спугалася,
Роспечатала победна — изнывала вся,
Я читать стала — слезамы обливалася!
Не пером да это писемко уписано,
Не черныма чернилами составлено;
Как горючима слезамы оно писано,
Великою обидушкой составлено,
Злой этой кручиной запечатано!
Уж я так, бедна победная головушка,
Не могла читать обидной этой грамотки;
К себе призвала любимую семеюшку
Во эту во столову нову горенку;
Я левой рукой писемко подавала,
Правой рученькой я слезы утирала;
«Ты читай письмо, надёжа, умильнёшенько!
Роскажи мне пословечно хорошохонько,
Да што диется на родимой моей родине
У желанного родителя у дядюшки?
Отлучил Господь сердешно, знать, их дитятко!»
Тут спроговорит любимая семеюшка:
«Снарядись да ты, голубко, в путь-дороженьку,
Поспешайся на родиму свою родинку,
Ты спросись у богоданной в доме матушки,
Доложись да у невестушек-голубушек:
Поостались бы с сердечным твоим дитятком!»
Подходила к богоданной тихо матушке,
Я давалася, победна, с горючмы слезмы,
Доложилася с великой я кручинушкой:
«Ты спусти да, богоданна мила матушка,
Во тоски, скажут, в великой во обидушке

Мой спацливый, жалосливой родной дядюшка,
Ты спусти да на родиму меня родину
Ко добротушке желанной родной тетушке!»
Отпустили на родиму меня родину!
Я спешилась путем-широкой дороженькой,
Приходить стала ко селу я деревенскому,
Я зглянула как на рощицы зеленые,
Што уныла стоит рощица зеленая,
Вси пруточки на деревьях приломались,
По сырой земле листочки росстилаются,
Шелкова трава во саде розвевается,
Вси поблекли эти розовы цветочки?
Как жупят да теперь птицьки не по-прежнему,
Приуныли эти жалки соловеюшки!
Как пустылое хоромное строеньице:
На слезах стоят стекольчаты околени,
Подшиблося крылечико перёное,
Верно е в доме великая незгодушка!
Доспрошусь я у соседок, удоведаюсь:
«Вы скажите, спорядовы мне суседушки,
Отчего бы в саду деревца посохнули,
Отчего да вси цветочки поблекнули
Во этой во рощице зеленой?
Али жáлобно пекло да красно солнышко
На эти сахárны деревиночки?
От холодной ли зари цветы поблекнули,
Аль от сивера трава к зени склонилася?
Не утайте-тко, спорядные суседушки,
Вы по правды мне, горюше, расскажите-тко,
Отчего да светла свётлица кручинится,
Для чего в слезах стекольчаты околени?»
Воротилась я к крылечику перёному;
Тут гляжу-смотрю желанной стоит дядюшка,
Во-других стоит родитель-родна тетушка;
Как томным стоят, победными, томнёшеньки;
Востретают на крылечике перёном!
Мне пройти было, кручинной головушке,
Наднести да свои белы эти рученьки
На желанного родителя на дядюшку,

Мне-ка сдять в пути доброе здоровьице,
Во-других да со родителю со тетушкой.
Вы скажите, теплы красны мои солнышки,
Отчего да вы, желанны, закручинились,
Со обидушкой меня ноне стретаете,
Со горючима слезамы принимаете?
Уже где да е сердешно ваше дитяtko?
Уже где ваш соколочик златокрыленькой?
Не стретает меня верба золочёная;
Видно, при доме его да не случилось,
В чисто поле, звать, свет он удалился,
В белополотняны шатры он ушатрился?
Лучилось слышать кручинной мне головушке
Про ваше ало-великое несчастьице,
Што оброночку победны обронили,
Потеряшечку обидны потеряли;
Вы оброночку безнайду в целу тысячу
Потеряшечку безнайду — цены нет!
Уж моя ли как жадобна родна дяденька,
Ты злачён перстён стеряла со правой руки,
Самоцвет-камень, родитель, со белой груди,
Белой свет, да ты родитель, со ясных оцей,
Красоту, да ты родитель, со бела лица!
Уж как мой желанной дядюшка
Со головушки стерял он пухову шляпу,
Со правой руки он трость да золочёную
Ум-тот разум он стерял да со головушки!
Изменилося мижённо красно солнышко,
Отлетел ваш соколочик златокрыленькой,
Быв как птиченька он сгинул подшибёная,
Вроди травоньку морозом приударило,
Быдто камышек нырнул он во синё море!
Удалилося рожёно ваше дитяtko
За темныи леса, за дремучии,
За высокии горы, за толкучие,
Ко зари оно, дитё, да ко восточной!
Туды ветрышки ведь е не провевывают,
Лютое зверье не прорыскивае,
Малая птиця не пролетывае,

Ни прохожих туды, ни проезжих!
Хоть не дальняя сторонка — безызвестная,
Не колодист туды путь — бесповоротной!
Нонь пройду да я во светлу нову горенку,
Проберусь, бедна, в поместной во большой угол,
Сотворю да я Исусову молитовку;
Тут я крест кладу, горюша, по-писаному,
Я поклон веду, горюша, по-учёному
На все на три-четыре на сторонушки;
Я челом воздам народу-людям добрым,
Всобину́ я свету-братцу поклоняюся,
Я первой поклон — во резвы ему ноженьки,
Я другой — супротив его белых грудей,
Я третей поклон — кудрявоей головушке!
Воскликать стану тут братца сдвуродимого:
«Да ты слушай-ко, сдвольной белой светушко,
Ненаглядная ты яра моя свичушка!
Буде крепко спишь ты, свет, да пробудися,
За любимых своих гостюшек схватися;
Да ты стань-востань на резвы свои ноженьки,
Отложи от сердца белы свои рученьки,
Размахни да свои оци ясныи,
Уласкай да ты крестовых своих детушек
По-прежнему, мой свет, да по-досюльному!
Как допреж сего, до этой поры-времечка
Ты стретал нас на крылечике перёном,
Угощались за столом мы за дубовым,
Разгулялися во садике зеленом,
Веселилися как цветики лазуревы!
Нонь сегодняшним Господним Божиим дёнечком
Знать, розгневался, сердешной доброхотинка,
На сестрицу ты свою сдвуродимую!»
Воскликать да стать горюше не докликаться,
Хоть испытывать, победной, не доведаться
Мне ласкова прелестна нареченьница!
Ай, изведай, тепло красно мое солнышко,
Што не выстанешь на резвы свои ноженьки,
От талá сердца словечка не забаеть?
Чем разгневала я, красно мое на золоте?

Не ходила на родиму што на родинку,
Не пришла я при смерётушке скорёшенько,
Не смотрела я в тяжелом неможеньице?
Того жаль мне-ка, победнушке, тошнёшенько!
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Я давалась у надежной бы головушки
На гостиную урёчную неделюшку
Посидеть да к тие, красному бы солнышку!
Вы послушайте, народ да люди добрыи!
Можно знать-ведать спорядным вам суседушкам,
Што во доброй, во крестьянской живу жирушке,
Што разумны богоданныи родители
Мне-ка дали бы слободну пору-времечко,
Постановили бы крестьянскую работушку!
Посудьячу на желанного я дядюшку,
Попеняю на родитель свою дяденьку;
Мне-ка не дали, победной, известица
Про болезную, обидную постелюшку!
Во кручине, знать, ума да не хватило,
Во обиды в добрых людях не спросили!
Ой, раздумаюсь победным своим разумом,
Што из мертвых в живых да не становятся;
Не притеплит ноньку белу мою пазушку
Тепло красное умёрше ноньку солнышко!

К дяде и тетке:

Прозабыла я, кручинная головушка,
Доспроситься я, горюша, удоведаваться,
Долговеко ль его было неможеньице?
Он лежал ли то урёчную неделюшку,
Не наскучил ли в болезной постелюшке?
Столько видели ль несчастныи родители,
Как душа да с белым телом расставаляся,
Красота да со бела лица стеряляся,
Его желтыи волоски розвевались,
По сголовицу кудёрки рассыпалися!
Аль того да вы, несчастны, убоялись?
Удолять стала великая обидушка,

Приужа́хнулось ретливое сердечушко,
Знать што дядюшка кручиной забавлялся,
На белых грудях ты, дяденька, свивалася!
Хоть прижала ты, обидна, к ретливу сердчу
Сердобольна доброхотушка,
Хоть ты думала, победная головушка;
«Содержу свое сердешно крепко дитяtko
У своей я у позяблой у бело́й груди,
Не допущу да этой борзой я смерётушки
До своей теплой, сердешной сугревушки!»
Подошла да тут злодийка-лиходеица,
Тихо кра́дци подходила тут смерётушка,
Тихомолком взяла красно ваше солнышко;
Вкруте с дитяtkом, несчастны, вы рассталися
Во горя́х да вы, несчастны, во обидушке!
Вдруг проглупали талан да свою участь,
Вы не видли тут, несчастны родители,
Как душа да с белых гру́дей выходила,
Ясны очушки с белым светом рассталися!

К суседям:

Не дивуйтесь-ко, суседи спорядовыи,
Не дивуйте-тко победной мне головушке,
Не гля чести причитаю, ради по́хвал,
Жаль-тошнёшенько мне братца сдвуроди́мого,
Потошние — соколочка златокрылого!
Все я думаю печальным моим разумом:
Не постыла мне родима была родинка!
Хотя ж нету там желанных родителей,
Не возрощены там братцы-теплы солнышки,
На стретаньце был милый доброхотинка,
На привете да был братец сдвуродимой!
Мне жаль, бедной горющице, тошнёшенько,
За его жаль за великое желаньце!
Засмотрел мою отда́нную головушку,
Он на этой судимой на сторонушке;
Без пути держал он, свет, да перепутьице;
Он без празднику держал, да свет, гостибище,

Ходил-ездил ко отданной головушке,
Вроде светушка как братца он родимого!
По кресту да был крестовой мне-ка кумушко:
Он крестил да всех сердешных моих детушек,
Принимал он от купеля от священного,
Со белых рук от попа-отца духовного!
Он дарил да всех сердешных моих детушек,
Он по кресту дарил да золочёному,
Он меня дарил, печальную головушку,
Дорогий дарил покупки заграничные!
Ночь пришла, бедна кручинна я лебедушка,
На родимую, победна, свою родинку,
Я ко свету пришла братцу на прощаньице,
На последнее веково расставаньице,
На с горючима слезамы обливаньице!
Уж как братец сдвуродимой, мое солнышко,
Не похаживав по светлым он по светлицам,
Как на ноженьках сапожки не поскрыпывают,
Уж белыма-то ручкама не смаживав,
Да он буйной головкой не покацивае,
Да он желтыма кудёркама не стряхивав,
Уж он ласкова словечка не проговариват;
Он не чёстует во светлу нову горенку,
Он не жалуе за стол сесь за дубовой,
Он со шкапу не берет да чашек чайных,
Со комоду он подносу золочёного,
Он не подчивает породы именитой!
Хоть мы шли путем-дорогой, не то думали,
Я не верила печальной этой весточке,
Говорила всё, кручинная головушка:
«Небылица теперь, може, напрасница,
Што нет в живности скачёной жемчужинки!»
Хоть я шла путем-дороженькой — обидилась,
Под ногама мать-сыра земля подгибалася,
От горящих слез следочки заплывалися,
Добры людушки того да дивовалися:
Не ручей да текё быстра эта риченька,
Катит-жалует сестрица сдвуродимая,
Проливат она путем да горящи слезы,

На руках несе бладенця тринедельного,
Во руках веде дитё да трех годовое
К своему куму, крестовому их батюшку!

.....

К тетке:

Ой, послушай-ко, родитель моя дяденька!
Ты сходи да в мелкорубленую клеточку,
Отомни ты окованы коробеечки,
Уж ты вынь оттуля цветно его платъице!
Мы попросим тут спорядных суседушек,
Мы поставим-ко на резвы его ноженьки,
Мы обуем-ко сапоженьки козловыи,
Мы одином-ко рубашки заграничныи,
Мы сокрутим света-братца хорошёхонько,
Мы зачешем-ко кудёрышки гладёшенько,
Проведем да по хоромному строеньицу,
Мы тут сводим его в светлую светёлочку!
Ой, неладно я, горюшица, удумала,
Я нехорошо, победная, уладила!
Уже с лавочки нонь свет да не сдвигается,
Не до цветна, видно, нонь ему до платъица,
Столько даром молодецька вся покрутушка!
Единá да, видно, думушка ведь сдумана,
Во едiну путь-дороженьку отправленось,
С отцом с матушкой на свете расставаеця!
Ты послушай же, родитель моя дяденька!
Лучше вóзьмем золотой казны по надобью,
Мы закупим-ко гербовой лист бумаженьки,
Писарёчков наймем да хитромудрых;
Уж мы спишем-ко персонь да лицо белое,
На патрет да его ясны эти очушки,
Колесисты эти черны его бровушки,
Молодецкий завивныи кудёрышки,
Мы злачёнъ перстёнъ его да на правой руке,
Золотую мы цепочку на белой груди,
Мы на память то его, на пожеланьице,
Ясным очушкам нашим на смотреньице!
После этой сахарной деревиночки,

Налимной этой красной ягодиночки,
Как стоснется мне, победной, сгорекуется!
Я ходить да на родиму буду родинку,
Я глядеть буду на этот лист-бумаженьку,
Я смотреть да на персонь-то человеческую...

*Если у особы, оплакивающей двоюродного брата,
родители уже умерли, то она,
обращаясь к покойнику, наказывает:*

Это мне-кова, печальной головушке,
Написать да скорописчатая грамотка
Ко своим светам-желанным родителям;
Мне послать бы по тебе, мило дитятко,
На иное второе живленьице;
Стане облачко со облачком сходиться,
Може, с ду-другом настрету постретаетесь!
Ой, раздумаюсь печальным своим разумом:
Письма-грамотки писать я не умию,
Писарёчика нанять, бедна, не смию,
Беспросясь я у законной у сдержавушки!
Лучше сяду нонь, горюшица, близешенько,
Вопотай скажу от добрых тоби людюшек:
«Ты послушай, тепло красно мое солнышко!
Ты изведай всё бажёным родителям,
Скажи низкое поклонно челобитьице,
От меня ты, от печальной головушки,
Всобинú да от сердечных моих детушек,
Ты подрóбну от любимой семеюшки!
Пусть не гневаются жадобныи родители,
Што не пóчасту на могилушку учащиваю,
Што по вешнему дни не усеживаю,
Не беру да я попов-отцов духовных,
Не служу я панихиды с поминаньицем!
Можно знать-ведать желанныим родителям,
Хоть за умной я живу за головушкой,
Не моя да столько вольна эта волюшка,
Власть имиют богоданныи родители,
Под началом у блада сына отецького;

Не посмию звать попов-отцов духовных
Уж я в дом к себе служителей церковных!
На родильску субботу не корилася,
На воскресной день, горюша, не молилася!
Ты порбскажи, скачёная жемчужинка,
Я довольна тобой, братцем сдвуродимым,
Я вполне да угощеньицем любимым!»

.....

К родной сестре покойного:

Я гляжу-смотрю, победная головушка,
На тебя гляжу, сестрицу сдвуродимую,
На тебя я, на косату летну ластушку;
Отдали́ ходишь, косатушка, туляешься,
Вопотай, рутишь, голубко, горюци слезы!
Што же на́ речи, лебедушка, не ставишься,
На сговóр да ты, сестрица, не сдаваешься?
Как дивуют тебя многи добры людюшки!
Про кручинушку ты, верно, не слыхала?
Знать, сросла ты за желанныма родителям,
Знать, девіцила за братцем за родимым;
Видно, нет в сердче великой обидушки,
Во утробушке да нет у тя зазнобушки!
Подойди да того, белая лебедушка,
Не стыдись ты спорядовых суседушек,
Ты не совестись удалых добрых мóлодцев;
Попусти да ты, обиднушка, жалкóй голос,
Хоть неумильное-складнóе причитаньице
По своем ты соколочке златокрылом,
Ты по светушке-братце по родимом!
Молча схватишься, голубонько, наплачешься;
Спамятуешь света-братца, натоскуешься!
Приходить да станут летныи гульбищечка,
Будут вешныи, голубонько, игрищечка;
Походить да станут милы твои пóдружки
На игрищечка оны да на прокладбища,
Со повозничкам оны да со любимыма!
Хоть доложишься ты, белая лебедушка,

У своих милых, желанных родителей;
Тут нальешь ты рукойник ключевой воды,
Ты умоешь свое бело это личушко,
Ты утрешься в тонко бело полотенышко;
Тут ты сходишь в свою светлую светелочку,
Со стола возьмешь ключи да золочёныи,
Отомнешь свою ковану коробеечку,
Уж ты вынешь тут любимую покрутушку,
Все снарядное девоцье цветно платъице;
Тут возьмешь свою жемчужную подвесточку,
Круг сердечка опоясочку шелковую,
Ты обуешься в башмачики козловыи,
Наденешь сарафаны рострубистыи,
Тут возьмешь да часто рыбий мелкий грёбешек,
Ты учешешь свою бладую головушку,
Уплетешь да мелкопрядну косу русую!
Ты нарядишься, косатка, хорошохонько,
До белá лица, голубко, принаб́илишься,
До алá да ты румяны нарумянишься,
Запоходишь по хоромному строеньицу;
Тут схватишься за братца за родимого,
Ростоскуешься, голубко, разобидишься,
По повозничке расплачешься любимом!
Как допреж сего до этой поры-временечка
Приходить буде Владычной Божий праздничек,
Стане пó избы ведь светушко похаживать,
Потихошеньку с сестрицей разговаривать;
Говорить стане скачёная жемчужинка:
«Ты послушай свет-сестричушко родимая,
Ты давайся у желанных родителей,
Ты проси у их ступистой лошадушки,
Уберемся мы, сестрица, хорошохонько,
Да мы съиздим на гульбище на прокладбище».
Снаряжались вы, голубонько, скорёшенько,
Поезжали вы со братцем веселёшенько;
Впереди он был тоби да передовщичек,
Позади он был любимой ведь повозничек.
Нонь как схватишься за братца за родимого —
Нет повозничка тебе да провожателя,

Твоей волюшки да нету сберегателя!
Он отпущен ведь к Миколе ко Святителю,
Он во матушку отпущен во сыру землю,
Он во по́греба отпущен во глубокии;
С горя бросишься во светлу нову свѣтлицу,
Со тоски ты ко ларчам да окованным;
Тут повынешь ты гулярно его платъице,
Прилагать будешь ко белому ко личушку,
Прижимать станешь к ретливому сердечушку
Горько выть будешь, горюша, коковать!
Вдруг прознаешь про великую кручинушку,
Сожалить будешь ты братца-света белого;
Ты отложишь все любимыи гульбищечка!
Как крутилася, лебедка, суровѣшенько,
Так разрядишься, голубко, поскорѣшенько;
Ты покрутушку отложишь со обидушкой,
Бросишь платъицо на стопочку точѣную,
Алу ленточку с русой косы на стол ты на дубовой;
Сама сядешь тут на стульицо кленовое,
Разотворишь ты косевчато окошечко,
Станешь ўныло, сестрица, причитать,
Коковать станешь, сестрица, выговаривать:
«Я несчастная душа да красна девиця,
Бесталанна вся любимая покрутушка
И обидна эта руса моя косынька!»
Как у твоего у братца у родимого
Красота была в личе да красна солнышка,
Белота была у света снегу белого,
Походочка была его щепливая,
Наричѣнье его было чваковитое,
Разговорушки его были уцливыи;
Много ўма было разума в головушке,
Много розмыслу в ретливоем сердечушке!
Он не гордой был, свет, да разговорной,
В сердчи было великое желаньице,
Не прилестное желаньице — сердешное;
Столько изо ста был, свет, да с целой тысящи!
Как пойдешь да ты, обидна, единешенька
По этим гульбищам-прокладбищам,

Прибираться станешь скачѣнную жемчужинку
По этим толпám молодецкиим,
По этим бурлакам молодыим.
Супротив да светушка братца родимого
Не прибрать тебе, голубко моя белая,
Ни по возрасту тебе, ни по голосу,
Ни по желтым завивным кудѣрышкам,
Ни по белому румяну его личушку,
Ни баской его щепливой походочкой,
Ни уцливой молодецкой поговорюшкой,
Ни по ясным молодецким его очушкам,
Ни по резвым, голубонько, по ноженькам,
Ни по этим сапоженькам козловым!
Красным девушкам был он не насмешничек,
Мужниим женам не срамитель был,
Молодым вдовам — не похабничок,
Он солдаточкам был не проказничок,
Не грубител со желанныма родительмы;
Не капризной был породы — именитой;
Он ведь с бедныма людямы угощался,
Бездомовым он суседям поклонялся;
Был заступушкой тоби, был заборонушкой!
Про тебя, да ведь про белую лебедушку,
Ветры в поле не навиялись,
Пустословья добры люди не набаялись!
После братца ноньку-красного солнышка
Не звеселят тебя, обидну красну девушку,
Разны игры со забавами
И кружечки хоботистыи;
Не розцветет на те цветно это платъицо,
Не украсит тя любимая покрутушка,
Нет от ветрышка тебе заборонушки,
Нет от добрых людей тебе заступушки!
Погнушаются советны дружны пóдружки
Тобой да столько, белая лебедушка!
Не станут все под праву с тобой рученьку,
Не подумают ведь крепкой с тобой думушки;
Скажут, девушка она да все кручинная,
Бело личушко у ей да все обидное!

Как ходить да станешь, белая лебедушка,
Память станешь скачѣную жемчужинку;
На гульбищечка пойдешь невеселѣшенька,
С игрищечка придешь да ты печальная,
Сговоришь ты желанным родителям:
«Ужо слушай-ко, пристаршой рѣдной батюшка,
Ты, возмольщичка печальна родна матушка,
Не дай Господи на сем да на белом свете
Как ходить-гулять без братца без родимого,
Без сердечного повозничка любимого!
Попусту да в поле ветры принавиются,
Понапрасну в поле травка нашатается,
Пустословья добры людюшки набаются!
Виют витры в чистом поле со западочкой,
Бают людюшки теперь со прибавочкой,
Приобидят меня, белую лебедушку!»
Вот пройдет да это тепло красно летушко,
Все гульбищечка пройдут — эты игрищечка,
Все весельица-забавы молодецкие,
Приходить стане холѣдна, студена зима,
Тихомѣрны наступают тут беседушки,
И унылыи приходят эты свадебки;
У тебя нонь, печальной у головушки,
На санках нет зимного извозчичка,
Нет правителя ступистой лошадушки,
Не с кем ѣздить по слезливым буде свадебкам,
Не по этым беседам тихомерным!
Ты пойдешь тут по суседям спорядовым,
Будешь звать да во сердечны провожатели.
Ты послушай, моя белая лебедушка!
Нонь гулять будешь, голубко, не по-прежнему,
Взвеселяться да ты будешь не по-старому!
Приукрылось ноньку все твое весельицо,
Во матушку укрылось во сыру землю,
Во погреба укрылось во глубокии!
Не с кем ѣздить по искат-горам высоким,
Ни по этым смиренным беседам,
Ни по свадебкам унылым, слезливым!

.....

К родственникам и соседям:

Вы послушайте-тко, род-племя любимое,
Вси собраны соседи спорядовыи,
Да вы нищии тепереча, убогии!
Попрошу да вас, победна, от усердия,
Сотворю да я по милостыньке денежной,
Во-первых, да ради имени Христова,
Во-других, да ради братца поминального!
Хоть Исусову молитву сотворите-тко,
Перед Господом глаза вы закрестите-тко,
По единому поклону поклоните-ткось,
Света-братца сдвуродима помяните-ткось!
Как судил-привел скачѣную жемчужинку,
Его душеньку Господь да к покаянию;
Хотя дал ему скорую смерѣтушку,
Не на славном синем на Онегушке,
Не в темных лесах дремучих,
Во своем доме-хоромном во строеньице,
На своей ему брусовой белой лавочке!
Хотя видели желанныи родители,
Как душа да с белым телом ликовалася,
Быв как облако она да подымалася!

К попам:

Я гляжу-смотрю, печальна нонь головушка,
На попов-отцов гляжу теперь духовных,
На служителей гляжу да на церковных!
Во руках у их свечи да догораются,
На налоях эти книги дочитаются,
Хирувимский стихи да допеваются;
Ноньку свет наш полотном уж закрывается,
Во далекую дорожку отправляется!
Вы подите-тко, попы-отцы духовныи,
Вперед да на могилушку умершую,
Накадите-тко вы погребя глубокии;
Впереди себя несите-тко, пожалуста,

Вы подсвечники несите золочёны,
Честно-именно его да провожайте-тко!
Спаси Господи попов-отцов духовных,
Спаси Господи причетен-то церковных!

К дяде:

Я гляжу-смотрю, победная головушка,
На бажёного родителя на дядюшку!
Как пристаршее лицо его сменилось,
Цвётно платицо на нем все обносилось;
Он без ветрышка, желанной мой, качается,
Рутит слезушки, обидной, на дубовой пол!
Он не може примениться ума-разума,
Со кручины он не знае куды броситься;
Во неражи сапожёнки обувается,
Кафтанишко одеват да стозаплатное,
Подпоясался верёвченком немудрым!
Снаряжается с сердечным он со дитятком
Не на трудну на крестьянскую работушку,
Не во темны леса да во дремучии,
Не к Владычному Господню Божью праздничку;
Понести хочут скачёную жемчужинку
Во матушку его да во сыру землю,
Во погребы его да во глубокии!
Ты гляди-смотри, пристаршой рódной дядюшка,
Ужо тут да ваша лёгка переменушка,
Ужо тут ваша великая надиюшка!
Земли-матери теперь да он не пахарь,
Не кормитель вам, желанным родителям!
От обидни станут люди расходитися,
От вечерень-то народ да разъезжатися,
Уже вам свое дитё не дождатися!
Да ты слушай-ко, желанной родной дядюшка!
Не жалий да золотой казны бессчётной,
Ты найми-тко столяров да добрых мóлодцев,
Да ты сделай-ко крест животворящий;
Клади надпись ты попам-отцам духовным!
Как пойду да на родиму я на родинку,

Мимо эту Божью церковь посвященную,
На пути найду, горюша, перепутьице,
Край дороженьки — любимое гостибище,
Забегу да к свету-братцу сдвуродимому,
Признавать буду могилушку умёршую,
Примечать да по кресту животворящему!
Да ты послушай-ко, желанной родной дядюшка,
Ты дари честных попов-отцев духовных,
Рассчитайся за велико погребение;
Ты зови да их в крестьянскую во жирушку,
Ты к себе проси их в дом на угощение,
Нанимай да шестьнедельно поминаньице!

К тетке:

Ты смотреть будешь, печальна родна дяденька,
Во это во косевчато окошечко,
Скрозь унылую стекольчату околенику,
Сожидать будешь сердечно мило дитятко;
Ты увидишь, как по чистому там полюшку
Пойдут да многи добры эти людюшки
От этих обиден полуденных!
Сожидать станешь сердечно свое дитятко,
Не подойдет ли со добрыма людюшкам,
Не подкатит ли с спорядныма суседушкам,
Со своей роднёй — со братьицом, приятелем;
С горя кинешься, спацлива родна дяденька,
Ты на эти новы сени решётчаты,
Со досады на крылечико перёное,
Со обиды на прогульную на уличку,
Со печали на путь-широку дороженьку!
Хоть станешь край пути да ты дороженьки,
Станешь спрашивать спорядных суседушек,
Выведывать у добрых будешь людюшек:
«Ай же вы суседы спорядовии!
Вы откуль держите путь эту-дороженьку?»
Отвечать станут тут добры тебе людюшки:
«Мы были в Божьей церкви посвященной,
У обиден мы были полуденных».

Станешь спрашивать, печальна ты головушка:
«Не видали ль сердечного там дитятка?»
Отвечать да будут добры тебе людюшки:
«Подожди его любимых поровечников,
Може стрету оны да не стретались ли,
На попутье-то они да не видались ли?»
Ты на стретушку пойдешь к ним поскорёшенько,
Ты закинешь речь, горюша, умильнёшеньку,
Ты челом да бьешь, горюша, низко кланяешься:
«Да вы здравствуйте, удалы добры молодцы,
Челобитьице любимым поровечникам!
Хотя жь идете, удалы добры мóлодцы,
Вы от этой Божьей церкви посвященной,
Вы не видели ль сердечно мило дитятко,
Богу молячись во этой во Божьей церкви,
Аль в пути на шíрокой дороженьке?
Нет ли радостна по вас да всё известьица?
Нет ли грамотки ко мне да скорописчатой,
Нет ли низкого поклона-челобитьица?»
Отвечать станут суседи спорядовыи:
«Уж мы, мóлодцы, того не сдогадалися,
Мы по платьицу его не примечали,
Не смотрели по народу-людям добрым,
Мы на стретушку с ним да не стретались,
В обнесенной мы ограды не видалися!
Извини, да спорядовая суседушка,
Што горюшу мы тебя не взвеселили,
Мы от дитятка письма не получили,
Мы, собранныи суседы спорядовыи,
Разговорами в ограды занималися,
Столько видели могилу положеную,
Един крест стоит ведь е да поставленной!»
Тут расплачешься, горюша, ростоскуешься,
Ты со причетью ведь в дом да свой воротишься.
На пути бедна горюша постояла,
Только дитятка в глаза да не видала,
Видно, нет того на свете да не водится,
Знать, от мертвых письма-грамотки не рóдятся.

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.